

УДК: 160.1+1(091)

**ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ФИЛОСОФИИ ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИЗОБРЕТЕНИЯ В
ФИЛОСОФИИ» И. И. ЛАПШИНА)¹**

Попова В. С.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

E-mail: varyud@mail.ru

Дается определение логической культуры и обосновывается значимость систематического изучения логики для ее формирования. Выделяются уровни бытования логической культуры в составе интеллектуальной культуры личности. Дается отсылка к историческому опыту формирования и реализации логической культуры в России начала XX века на примере текста И. И. Лапшина.

Ключевые слова: логика, логическая культура, навык, философия в России начала XX века, И. И. Лапшин

Самый первый урок, которого мы имеем право требовать от логики, состоит в том, чтобы она научила нас, как сделать наши идеи ясными; и этот урок является самым важным, поскольку он недооценивается только теми умами, которые как раз и нуждаются в нем.

Ч. С. Пирс

Мысль о воспитании способности правильно логически мыслить, о выработке способности быть последовательным, непротиворечивым, основательным в рассуждениях своих далеко не нова в науке и образовании. Однако, разработка понятия «логическая культура» представляется в современном контексте новым научным горизонтом по ряду причин: его содержанию не уделялось достаточного внимания в научной литературе; мыслительная жизнь общества и существование структур рациональности в ней подвижно, динамично, новые условия жизни диктуют все новые ипостаси рациональности, ядром которой является логика и т. д.

---

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-03-00707а «Логическая культура в России: прошлое и современность»), а также из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Обращение к феномену логической культуры (далее – ЛК) требует формулировки определения, т. е. рассмотрения содержания данного понятия и обращения к его существенным признакам. Реализация ЛК в интеллектуальной деятельности требует примеров, а поскольку логика – философская наука, то, пожалуй, наилучшие примеры следует черпать из истории философской мысли. Поэтому данная статья содержит в себе две принципиальные задачи: дать определение ЛК и привести пример ее реализации и осмысления в отечественной философской традиции. Пример того, как логическая культура бытовала в философском тексте, я извлеку из произведения «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922) крупного русского университетского философа Ивана Ивановича Лапшина, хотя, конечно же, не только русскому кантианцу был свойственен высокий уровень логической культуры. Следует отметить, что исторические примеры обращения к логике и с логикой в интеллектуальной деятельности, примеры почтительного и глубоко осмысленного отношения к логической дисциплине нужны нам для того, чтобы извлечь важные практические выводы для современности. Для того, чтобы осмыслить место и роль логики в современном образовании, в жизни общества. Мысль о том, что приумножение значимости логики для всякого человека и общества полезно и необходимо почти никогда не вызывает возражений (на обыденном уровне слово «логика» и ассоциируемые с ним понятия: последовательность, обоснованность, ясность, доказательность, надежность и т. п. оцениваются как позитивно значимые). Но эти положительные оценки часто совсем не связываются в обществе с наукой логикой, не возникает мысли о практической значимости логики как таковой. Связь логики как науки и учебной дисциплины с успешной мыслительной деятельностью, аргументацией, рациональностью действий не устанавливается в умах широкой публики. Это обусловлено, на мой взгляд, постепенным вытеснением логики на задворки образовательных программ, когда из необходимой и общезначимой дисциплины, традиционно воспитывавшей мышление в гимназии, школе, университете, входившей в языковую среду образованного человека, она делается предметом предпочтений, курсом по выбору или вовсе исключается. Наряду с этим именно изучение логики повышает уровень рациональности мышления и действий. В современных условиях, оглядываясь на прошлые опыты отечественной интеллектуальной традиции, следует усилить тезис о необходимости логической компетентности (осведомленности, подготовленности, грамотности) и общеобязательности изучения логики. Мой тезис таков: *сегодня нам следует принять во внимание опыт формирования и присутствия логической культуры в научно-образовательной среде, который был реализован и имел явные плоды в университетской мысли конца XIX-начала XX века в России.*

Нужно определиться с тем, как понимать феномен логической культуры. В историческом ракурсе размышления о различных качествах «хорошего» мышления и о роли в этом логики, разного рода различия «хорошего» и «плохого» мышления с точки зрения логических критериев уводят глубоко в историко-философскую ретроспективу (логика Пор-Рояля, Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Д. С. Милль, Ч. С. Пирс и др.). Анализ современного состояния исследований, так

или иначе затрагивающих понятие ЛК, проведен Л. С. Сироткиной (см.: [1]) и показывает, что в психолого-педагогических и логико-методологических научных контекстах нет четкой разработанности понятия, объем понятия размыт, нет устойчивого вхождения термина в научный дискурс, не установлены отношения со сравнимыми понятиями. При этом само присутствие феномена ЛК подразумевается исследователями различных отраслей знания, связанных с рассмотрением мыслительной деятельности.

Один из немногих источников, в котором присутствует рассуждение о сути феномена ЛК, – это учебник логики В. Н. Брюшинкина. В его университетском курсе логики ЛК устанавливалась как цель и желаемый практический результат, к которому приводит добросовестное и систематическое изучение логики. Определение дается такое: «Логическая культура – система навыков мышления, позволяющая выражать имеющиеся мысли в ясной и отчетливой форме и приобретать новые мысли на основе одной только этой формы» [2, С. 33]. Это определение краткое и элегантное, годится для обоснования перед студентами пользы изучения логики. Понятно, что достигается в результате изучения курса. Но для более полного анализа феномена ЛК требуются уточнения.

В приведенном выше определении В. Н. Брюшинкина речь идет о ЛК личностной. Но понятие «культура» предполагает не только индивидуальный план рассмотрения проблемы, но и, конечно, социальный. В этом социальном контексте ЛК – это уже некая совокупность культурно-исторически обусловленных общественно значимых достижений в области логического знания и практики (собственно логическая наука, логическое образование, обыденные представления о логике, общественный «образ логики», логика в публичном дискурсе и пр.). Если же говорить о ЛК в личностном плане, то более подходящим будет понятие «логическая культура мышления» (далее – ЛКМ). И у В. Н. Брюшинкина как раз речь идет об ЛКМ. Отмечу важнейшие аспекты приведенного выше определения, которые необходимо обсудить и уточнить.

1. Родовое понятие – система навыков. Устоявшееся понимание навыка – это некое действие, реализуемое автоматически. Система навыков, укоренившихся в мышлении, которые сопровождают мышление и становятся частью стиля интеллектуальной деятельности. Понятие навыка довольно подробно разобрано в психолого-педагогической литературе. Общее современное понимание навыка отражено, например, в большом психологическом словаре под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко. Навык определяется как «доведенное до автоматизма путем многократных повторений действие; ... критерием достижения Н. служат временные показатели выполнения, а также тот факт, что выполнение не требует постоянного и интенсивного внимания (контроля)...» [3, С. 286–287]. Значит, навык представляет собой неосознаваемое действие. А неосознанность действия довольно плохо сочетается с представлением о чем-то рационально-логическом.

Более детальное рассмотрение понятия навыка, которое прояснило бы возможность его применения для определения логической культуры, встречается, например, у Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он отмечает, что навык

распространяется не только на двигательные акты, но и на мыслительные действия: «навыки мышления образуются в самом процессе мыслительной деятельности и являются не только ее механизмами и предпосылками, но и ее результатом, вырабатываясь и закрепляясь в ходе ее» [4, С. 615]. Соответственно, есть основания подводить под понятие системы навыков понятие ЛКМ. Навык определяется Рубинштейном как формирующиеся в результате упражнения и выучки автоматически выполняемые компоненты сознательной деятельности человека [4, С. 613]. В этом ключе размышлял и В. Н. Брюшинкин, используя понятие навыка для раскрытия ЛКМ, пытаясь подчеркнуть для изучающих пользу логической практики, мотивировать на добросовестное выполнение заданий по логике. Действительно, роль изучения логики решающая в развитии ЛКМ. Это очевидно для всех, кто имеет дело с преподаванием логики и наблюдает прогресс знания.

Виталий Иванович Свинцов, автор одной из немногих работ (вышедшей довольно давно), посвященных ЛК [5], полагал, что ЛК (он называет ее «индивидуальной логикой») первична по отношению к логике как дисциплине. Логика не помогает приобрести и усовершенствовать логическую культуру, а, напротив, разрабатывается благодаря имеющейся, «врожденной» логической культуре. И это абсурдно: логика не существенна для развития логической культуры. А что же тогда? Профессор Свинцов считал, что это социальная среда, которую он именовал «логосферой». Сошлюсь тут на авторитет Канта. Он писал о таком качестве как логический такт. Это понятие разъясняется в «Антропологии с прагматической точки зрения» и означает «действие души, приводящее к признанию истинности некоторого суждения, определяющие основания которого скрыты в глубине души» (определение реконструировано В. Н. Брюшинкиным из текста «Антропологии» [6, С. 8]). Здесь как раз речь идет о некой врожденной логике, срабатывающей автоматически. Но Кант ограничивает применимость этой врожденной логики, ведь это некий минимум логики, «интуитивная логика», которая не вполне надежна для теоретико-научных исследований.

Поэтому я полагаю, что ЛК намеренно и систематически совершенствуется посредством логического образования. Только при таком воздействии формируется ЛКМ как совокупность развитых качеств мышления, применимых для теоретизирования, для решения сложных интеллектуальных задач. Но может ли ЛКМ быть сведена к системе навыков мышления? Очевидно, нет. Применение понятия навыка для раскрытия сути ЛК антиномично: навык – автоматизм, неосознаваемый компонент действия. И при этом невозможно мыслить владение логикой без ориентации на нормы, без сознательного критического отношения к собственным и чужим рассуждениям, без эвристических процедур, без вариативности, без осознанной необходимости совершенствовать логическое мышление. Совершенно ясно, что не все логические операции можно довести до автоматизма (поиск вывода, выявление ошибок, классификация и др.). И это означает, что понятие «системы навыков» создает слишком узкое определение логической культуры, ограничивая ее только выпестованными путем упражнений автоматизмами по применению логических форм и стандартных операций мышления. Можно сказать, что ЛКМ *отчасти* проявляется в виде навыков

совершения логических операций. Благодаря навыкам, по Рубинштейну, с мышления как вида деятельности снимается нагрузка постоянного регулирования и контроля элементарных операций. Высвобождаются интеллектуальные силы для решения творческих, системных, сложных задач с участием логического мышления. И Рубинштейн подчеркивает, что ни одна из форм высшей мыслительной деятельности (и логическое мышление в том числе) не может быть сведена к механической сумме навыков [4, С. 613]. Итак, культуру нельзя свести к системе навыков, к операциональному плану.

2) *Способность выразить (представлять себе и сообщать другим) мысли ясно и отчетливо.* Понятия ясности и отчетливости отсылают нас к Р. Декарту и его интеллектуальной интуиции, а значит к априорности этих принципов для всякого последующего мышления. Первое правило декартова метода требует включать в рассуждения только то, что представляется уму ясно и отчетливо, является несомненным [7, С. 22]. Для Декарта человеческое Я, душа легче поддается познанию, чем тело, поэтому определить ясность и отчетливость идеи, возникающей в этом мыслящем Я, при надлежащей интенции не представляет затруднений (но может потребовать времени – Декарт 9 лет шел к своему *cogito ergo sum*). Ясные и отчетливые простые идеи являются отправными в рассуждении, сами они усматриваются интуитивно (представляется уму). Поэтому, по крайней мере некоторые ясные и отчетливые идеи не выводимы, а раз нет вывода, значит здесь еще нет логики. В такой интерпретации мы имеем дологическое свойство ясности и отчетливости мыслей у логически культурной личности. Нельзя не признать у человеческих существ присутствия врожденной способности рассуждать логично (кантова логического такта), хотя она может быть развита в разной степени. Однако такая дологическая интерпретация ясности и отчетливости явно не достаточна. Итак, способность представлять себе мысли ясно и отчетливо – интуитивный компонент ЛКМ, также явно не достаточный для ее определения. Что такое ясность и отчетливость мыслится не очень отчетливо. Так, Ч. С. Пирс, упоминая о ясности и отчетливости в картезианском смысле заметил, что ясная идея опознается всякий раз, когда будет встречается и ее нельзя спутать ни с какой другой; что идея постигается отчетливо, когда мы способны дать ей точное определение в абстрактных терминах [8, С. 266–267]. Пирс, однако, считает эти «симпатичные» идеи о ясности и отчетливости устаревшими (на момент выхода цитируемой работы в 1878): «самое время отправить в лавку древностей все эти старинные безделушки и найти что-то более подходящее для современного употребления» [8, С. 270], нужно обратить свой взор на то, как именно делать мысли ясными и отчетливыми. Думаю, что именно это действие В. Н. Брюшинкин имеет в виду, когда упоминает о том, что ЛК составляет систему навыков, позволяющих выражать мысли ясно и отчетливо при помощи логических форм. Но помимо неосознаваемого до конца навыка ясность и отчетливость достигается путем осмысленного отбора идей и способов их выражения в речи (например, при классификации). Да и «рецепты» для достижения ясности и отчетливости могут быть разными. У Пирса это – достижение верования, т. е. «места покоя мышления», в таком случае «производство верования есть единственная функция мышления», избавление от беспокойства

неуверенности. Поэтому поиск ясных и отчетливых идей и применение к ним неких критериев подразумевает субъективный фактор. А само по себе качество ясности и отчетливости мышления можно учитывать, но не считать исчерпывающим для раскрытия ЛКМ.

Всякая культура – нечто ценностно нагруженное. И поэтому, на мой взгляд, определение Брюшинкина можно дополнить указанием на ценностный компонент ЛКМ. Носителя логической культуры отличает ценностное отношение к логике, уважение и соблюдение логических требований и рефлексия по поводу действия своего и чужого мышления. Поэтому следует выделить после *операционального* уровня формирования навыков мышления возвышающийся над ним *рефлексивный* уровень ЛКМ. А качество мыслеречевой деятельности в контексте комплекса ЛКМ – логической отрефлексированностью. Логическая отрефлексированность включает в себя:

- способность усматривать логические формы за естественными рассуждениями и их элементами;
- уважение к заранее заданным правилам;
- умение рационально описывать действия своего или чужого мышления;
- достижение целей мыслеречевой деятельности без ущерба логическим требованиям.

Рефлексивная составляющая ЛКМ сопровождается пониманием того, что собственное рассуждение субъекта помимо достижения цели (убеждение, решение задачи) должно соответствовать логическим требованиям. Причем, важным рефлексивным проявлением ЛКМ является восприятие интересубъективных логических требований не как навязанных и обременяющих полет мысли, а как собственных внутренних установок, соответствующих позитивному индивидуальному опыту.

И, наконец, над рефлексивным уровнем ЛКМ надстраивается *профессионально-методологический* уровень ЛКМ. Сюда можно отнести разработки собственных логических концепций и их элементов, применение логики для развертывания мировоззренческой системы.

Итак, можно выделить три слоя (уровня) ЛКМ:

- Операциональный (навыки)
- Рефлексивный (образ логики)
- Методологический (логическая концепция)

С учетом указанных замечаний получено следующее определение: *ЛКМ – совокупность качеств мыслеречевой деятельности человека, приобретение и применение которых определяется формами, ценностями и нормами логического знания: ясностью, отчетливостью, непротиворечивостью, обоснованностью, последовательностью, определенностью.*

Связь ЛКМ и ЛК как части культуры общественной устанавливается через носителей логических знаний, умений, навыков и ценностей. Логическая культура формируется и оттачивается при изучении логики и других дисциплин, связанных с развитием абстрактного и формального мышления. А затем ЛК выводится на уровень рефлексивный. Носитель ЛК транслирует определенное отношения к

логике (можно назвать это «образом логики»), что проявляется в самой манере ведения дискуссий, обсуждения проблем, методологической последовательности в решении разнообразных задач и т. п. И так ЛК переходит на внешний план существования – как часть общечеловеческой культуры, как совокупность достижений в области логического.

В отечественной истории образования и науки можно выделить период начала XX века, дореволюционный период университетской науки, философии, когда ЛКМ стала частью эпистемологического стиля видных представителей научно-образовательной среды. Логическое образование, формировавшее логическую культуру, начиналось в обязательном порядке гимназии, затем в университете, на Высших женских курсах. А далее вопросы логики включались в круг вопросов, необходимых для полного научного исследования. Высокие образцы логической культуры и владение логикой проявлялись на страницах философских работ, в дискуссиях и научных диспутах. И так естественным для академической жизни образом становилось атрибутивным соблюдение логических требований. Это касалось как письменного, так и устного выражения мыслей.

Естественно, имея развитую рефлексивную ЛКМ, русские мыслители в философских текстах давали экстерииоризацию существенных черт логической культуры (которые номинированы выше в определении), значимых для научного и философского творчества.

В этом плане наибольший интерес представляют «пограничные» для логики фигуры: философы, которые обращались к логике, но не были в полном смысле логиками, занимались решением других философских вопросов. Таковым был, например, И. И. Лапшин. Лапшин обратил внимание на логику с юношеских лет. В 18-19 лет был увлечен Миллем, в период обучения на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета на него повлиял видный русский философ и логик А. И. Введенский. Потом Лапшин преподавал логику в Александровском лицее. А в 1906 году вышла книга «Законы мышления и формы познания», обращенная к теоретическим вопросам логики и гносеологии. В 1907 году Лапшин защитил одноименную диссертацию. В 1911 году кантианец дал критическую рецензию на учебник логики И. С. Продана, защищая логическую концепцию своего учителя от его нападков. В 1917 году вышла «Логика отношений и силлогизм (по поводу книг С. И. Поварнина “Логика. Общее учение о доказательстве” и “Логика отношений”»)). Следует сказать, что это была очень глубокая полемика с Поварниным по вопросам логики. В общем, И. И. Лапшин обращался к логике рефлексивно-методологически, серьезно уделяя внимание логическим вопросам. А. И. Бродский в статье «Русская этика: от онтологизма к логицизму» (2000) оценивает Лапшина как логициста наряду с А. И. Введенским и Н. А. Васильевым, поскольку логика является существенной частью их философских систем.

В книге «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922, 1924) И. И. Лапшин фиксирует отличие философского творчества от религиозного, художественного и специально-научного, открытие и изобретение, природа

гениальности, творческие способности и т. п. Нужна ли ЛКМ для изобретения в философии?

Для роста философского знания нужен синтетический силлогизм и индукция. Философом-новатором будет такой мыслитель, который сможет составить такого рода умозаключения правильно и изобретательно. Но в этом процессе И. Лапшин делает ставку на врожденную, неосознаваемую часть ЛКМ: «Острота мысли, необходимая для создания точных и ясных определений, такой же великий творческий дар, как и комбинационная способность. Оба процесса – изобретение новых аналитических и синтетических суждений – взаимно предполагают друг друга» [9, С. 140]. Чтобы породить синтетические суждения, нужны обширные знания, ясные и отчетливые понятия, а также комбинационная способность творческого воображения. Могут преобладать только какие-то из этих черт, например, у Канта, как полагает Лапшин, преобладала логическая острота мышления, а у Лейбница более всего была развита комбинационная способность. Остается упомянуть о том, какие высокие требования предъявляет Лапшин к изобретателю в философии: «...подлинно одаренным человеком будет тот, кто будет обладать и логической остротой, необходимой для установки отчетливых понятий..., и комбинационным даром» [9, С. 146].

И. Лапшин высоко ценит качество ясности мышления, о котором шла речь выше в связи с атрибутами ЛКМ. Мыслитель часто упоминает о ясности мысли в связи с успешным для развития философии проведением разного рода логических процедур. Он противопоставляет ясности спутанность мысли как явно вредное качество: «при спутанности мышления логические элементы мысли, образующие противоречащее понятие, не приведены сознанием в непосредственное соприкосновение друг с другом» [9, С. 161].

Пытаясь выделить специфику философского изобретения и демаркировать его от религиозного творчества, И. И. Лапшин различает сферы познавательного и эмоционального мышления, логику разума и логику чувств [9, С. 7–8]. Он прочерчивает линии сближения науки и философии, говоря о том, что даже в художественно окрашенных философских текстах содержится некая неизменная «научная значимость ядра» [9, С. 9], некое рационально-логическое ядро. Конечно, философия имеет дело с головоломками настолько сложными (например, идея бесконечного), что они ввергают в глубокомысленное отчаяние, безысходный скептицизм и мистические выходы (Лапшин приводит в пример А. Бергсона). И здесь Лапшин особенно высоко ставит философскую способность *рационального* выхода из таких мыслительных головоломок. А вот симптомы интеллектуальной «сдачи позиций», перечисляемые Лапшиным, говорят о том, насколько глубоко он понимал катастрофичность недостатка или утраты качеств ЛКМ. Так, Иван Лапшин пишет о губительности «расплывчатости и шаткости терминологии» (ошибки в оперировании понятиями, неясность и неотчетливость); о «пренебрежении к системному философскому строительству» (необоснованность, т. е. нарушение закона достаточного основания); о «подмене аргумента ярким образом или ... ложной аналогией» (ошибки обоснования, использование ложных аргументов); об «апелляции к практическому смыслу читателя» (утрата или пренебрежение

объективностью логических критериев, подмазывание аргумента); о «стремлении застрашать читателя грозными перспективами» (палочный аргумент, аргумент к городскому); о «назойливом повторении неубедительных аргументов в слегка измененной форме» (все это непозволительные приемы аргументации) и т. д. [9, С. 72–73].

Но не только философское творчество требует присутствия ЛКМ. Само постижение философии, история философии опирается на ЛКМ. И. Лапшин даже использует понятие «культура ума», полагая, что это качество проявляется в способности становиться на различные точки зрения, что в этом состоит подлинная историко-философская образованность [9, С. 172]. Постигание философского текста, по Лапшину, требует перевоплощаемости, т. е. «принятия чужого предметосозерцания». И вроде бы это эмоциональная, родственная художественному мировосприятию способность. Но в действительности постигая философию, ее следует понимать, каждый раз проходить мыслительный путь вместе с автором философской идеи, примеряя практикуемый им тип логики. Тем самым приобщаться к ЛКМ данного автора. Такое сомыслие оказывается возможным, если у историка философии есть интересубъективные рациональные основания, которые лежат за текстом. Изобретательность или новаторство историка философии среди прочего состоит в раскрытии логической структуры изучаемой философской системы.

В завершение отмечу, что можно собрать очень богатый подтверждающий материал о распространенности ЛКМ на рефлексивном уровне в различных ее аспектах, проявлениях и высоких образцах во многих других текстах русских университетских философов начала XX века (Лосского, Введенского, Поварнина, Шпета и др.). Привлечение логических компонентов в самобытные философские учения порождало своеобразные «модусы логики» и было зачастую вызвано стремлением философов к тому, чтобы сделать субъективное интересубъективным. Я думаю, что в контексте русской интеллектуальной культуры логика играла важную роль. Наиболее яркие образцы и примеры можно почерпнуть, обратившись к логико-методологическому опыту русских университетских философов, к их философским текстам. Конечно, в русской философии особое место занимает опыт интуитивных, мистическо-религиозных прозрений, без обращения к нему невозможно понять и выработать интерпретацию русской философии. Но при этом, как мне представляется, одной из объединяющих русскую философию тенденций является поиск эпистемологического синтеза и выработка самобытного типа рациональности. И особое место на этом пути занимала логика. Именно благодаря вхождению логики на разных уровнях в академическую среду формировались традиции высокой ЛКМ.

Список литературы

1. Сироткина Л. С. Феномен логической культуры – проблемное поле меж- и трансдисциплинарных исследований // Проблемы современного образования. Электронный журнал. – 2018. – № 5.– С. 22–37.
2. Брюшинкин В. Н. Логика: Учебник / В. Н. Брюшинкин. – М.: Гардарики, 2001. – 334 с.

3. Большой психологический словарь / Сост. и общ.ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
5. Свинцов В. И. Логическая культура личности и общество // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 114–124.
6. Брюшинкин В. Н. Антропологическое измерение логики // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 6. – С. 6–11.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями Диоптрика, Метеоры, Геометрия / Р. Декарт. – Ленинград: Академия наук СССР, 1953. – 657 с.
8. Пирс Ч. С. Как сделать наши идеи ясными // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс; пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
9. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии / И. И. Лапшин. – М: «Республика», 1999. – 399 с.

Popova V. S. Logical culture through the prism of the philosophical text (based on the “Philosophy of invention and the invention of philosophy” I. I. Lapshin) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 76–85.

The Definition of logical culture is given and the importance of systematic study of logic for its formation is substantiated. Stand out levels are the existence of logical culture in the composition of the intellectual culture of the individual. A reference is given to the historical experience of the formation and realization of a logical culture in Russia at the beginning of the XX century on the example of the text of I. I. Lapshin.

Keywords: logic, logical culture, skill, philosophy in Russia at the beginning of XX century, I. I. Lapshin

References

1. Sirotkina L. S. Fenomen logicheskoy kul'tury – problemnoe pole mez- itransdisciplinarnykh issledovaniy [The Phenomenon of the Logical Culture – Problem Field of Inter-and Transdisciplinary Research]. Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education], 2018, no. 5, pp. 22–37.
2. Bryushinkin V. N. Logika: uchebnik [Logic: Textbook]. Moscow, Gardariki, 2001, 334 p.
3. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Big Psychological Dictionary]. St. Petersburg, Prajm-Euroznak, 2003, 672 p.
4. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002, 720 p.
5. Svincov V. I. Logicheskaja kul'tura lichnosti i obshchestvo [Logical Culture of a Person and Society]. Obshchestvennyje nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World], 1993, no. 4, pp. 114–124.
6. Bryushinkin V. N. Antropologicheskoe izmerenie logiki [Anthropological Dimension of Logic]. Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta [IKBSU's Vestnik], 2006, Vol. 6, pp. 6–11.
7. Dekart R. Rassuzhdenie o metode [Discourse on The Method]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1953, 657 p.
8. Pirs C. S. Kak sdelat' nashi idei jasnymi [How to Make Our Ideas Clear]. Moscow, Logos, 2000, 448 p.
9. Lapshin I. I. Filosofij aizobretenija I izobretenie v filosofii [Philosophy of Invention and The Invention of Philosophy]. Moscow, Republic, 1999, 399 p.